

 НФБ: МИРЫ ЕВГЕНИЯ ЩЕПЕТНОВА

Евгений ЩЕПЕТНОВ

1972
МИССИЯ

МОСКВА
2020

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Щ56

Разработка серийного оформления *В. Матвеевой*

В оформлении переплета использована работа
художника *О. Горбачика*

Щепетнов, Евгений Владимирович.

Щ56 1972. Миссия / Евгений Щепетнов. — Москва :
Эксмо, 2020. — 352 с. — (Новый фантастический
боевик).

ISBN 978-5-04-112019-1

Американские приключения загадочного советско-фантаста Михаила Карпова продолжают. Кажется, что герой достиг успеха во всех своих начинаниях: романы продаются рекордными тиражами, лучшие режиссёры занимаются экранизациями, со всех сторон постоянно появляются всё новые и новые возможности... Даже на родине начались важные политические перемены, стартовавшие не без участия Карпова. Но что, если вдруг вся эта идиллия начнёт рушиться на глазах? И перемены в истории, сделанные за два года нашим героем, приведут к последствиям, которые сложно предположить даже человеку из будущего? В любом случае рассчитывать можно только на себя.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-112019-1

© Щепетнов Е.В., 2020
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2020

Глава 1

Я замолчал и оглянулся на машинистку. Она в последний раз стукнула по клавишам, дописывая слова и ставя точку, села прямо и откинулась на спинку стула.

— Здорово! Михаил Семенович, это замечательно! Сынишка вчера по телефону спрашивает: «Мам, расскажи, что дальше будет» — так меня просто распирает, так хочется рассказать, но я креплюсь!

— И крепись! — Я погрозил пальцем, и Ольга смущенно покраснела.

— Нет-нет! Что вы! Я никому ни слова! Я же договор подписала!

— Ладно... на сегодня хватит. Поздно уже, отдыхай. Да и мне пора уже отдыхать... завтра тяжелый день!

— Не представляю — как вы все успеваете? — Ольга выдернула листы из машинки и уложила их в стопочки: три стопки, три разного качества пропечатки листы. Тут же рядом небольшая стопка с потерявшими свою способность пачкать листами копирки. Ох как же мне не хватает моего ноутбука! Эти чертовы печатные машинки просто достали!

Но в 1972 году никаких ноутбуков нет еще и в помине. Все, что имеется — громадные ящики, разме-

ром со шкаф, гордо именуемые электронно-вычислительными машинами. Красиво, конечно, огоньки бегают, бобины с пленкой крутятся! Сюрреалистичная картина, прямо-таки из фантастического фильма! Но лажа абсолютная — каменный век.

В общем, задумался я, как мне ускорить мою писательскую работу, сделать ее максимально продуктивной, и не нашел ничего лучшего, как нанять профессиональную машинистку. И кстати сказать, это было задачей не то что нелегкой, это было... потрясающе нелегко! Просто нереально! Найти в Штатах, а конкретно в Нью-Йорке машинистку, печатающую на машинке с русским шрифтом, — это сложная задача. Но найти ту, что строчит как пулемет, воспринимает текст со слуха да еще и без грамматических ошибок?!

Если кто и мог это сделать, то только Стив, с его разветвленными связями в полиции не только Нью-Йорка, но и в других городах. Стив время от времени выступал на ринге за полицейское управление Нью-Йорка и выступал очень успешно — если не первое место, то второе и третье он занимал гарантированно. Ну и соответственно знакомился и дружился с копами других городов. И вот когда я сказал ему, что разыскиваю русскоязычную профессиональную машинистку, он кинул клич по своим знакомым и коллегам, и через неделю ко мне приехала Ольга Фишман, эмигрантка, не так давно покинувшая Союз вслед за своим отцом, Львом Моисеевичем Фишманом.

В Нью-Йорке они жили уже три года и, честно сказать, звезд с неба не хватало (и это мягко сказано). Лев Моисеевич в Союзе был преуспевающим

ювелиром, а еще — коллекционером. Он собирал деньги. Нет, не только советские дензнаки — хотя как я понял, с этим делом у него было очень хорошо поставлено, Фишман умел заработать рубль-другой, впрочем, как и все коллекционеры, покупающие и продающие раритетные монеты. Хорошая коллекционная монета в отличном сохране может стоить огромных денег, а если ее еще и купить у лоха, не знающего настоящей стоимости монетоса (мечта каждого коллекционера!), то нажиться на перепродаже можно-таки фантастически.

С чего ему в голову стукнула такая мысль — свалить в Штаты, кто ему эту мысль в голову внедрил, — это знает только сам Фишман. И то, что он это вообще проделал, было делом фантастическим, и я никогда не узнаю, кому и сколько он дал в лапу, чтобы его семье разрешили свободно уехать.

Впрочем, свободф — это понятие растяжимое. Вначале он заплатил за то, что некогда советская страна выучила его в школе, затем в институте выучила дочь Ольгу, жену Розу Марковну, а уж потом ему позволили покинуть город Ленинград и собственно страну, имея в руках... собственно практически ничего не имея. Все, что Лев Моисеевич накопил за годы его успешной деятельности на ниве ювелирного и антикварного дела, отправилось либо в закрома государства, либо в бездонные карманы различных чиновников, отвечавших за выезд эмигрантов на ПМЖ за рубеж.

Чиновники всегда брали — что при социализме, что при злобном махровом капитализме. Мне было даже интересно — сколько же отдал Фишман за то, чтобы ему разрешили выехать? Соглашение о сво-

бодном выезде эмигрантов в моем мире Брежнев подписал только в 1973 году, то есть практически лишь в следующем. Тогда и начался массовый исход евреев в Израиль и США. Вернее, даже так: эмигрировали они типа как в Израиль, чтобы прислониться к родным березкам... хмм... обожженным солнцем камням Иерусалима, но в большинстве своем даже не приложившись губами к родным, так сказать, булыжникам, разворачивались и летели в США, землю *по-настоящему* обетованную. И я их прекрасно понимаю — на кой черт им воюющий Израиль, когда любить свои родные пенаты можно и нужно с Брайтон-Бич, сидя за столиком кафе «Волна» и разглядывая проходящих мимо еврейских девушек. Воссоединиться со своим народом — это хорошо, это правильно. А вот воевать со злыми арабами — это нет, это для дураков! Увольте!

Такую же штуку проделал и Фишман — транзитом через Израиль нормально приземлился на Брайтоне, где в скором времени открыл антикварную лавку и там сидел, ремонтируя ювелирные изделия и мечтая о большом гешефте. Откуда он взял денег на открытие магазина? На ювелирные инструменты? Ой-вэй, ну зачем вы спрашиваете?! Спрашивать, каким образом человек заработал свои деньги, — все равно что спрашивать, в какой позе он трахает свою жену! Так считают американцы, так считают и все умные люди, сумевшие сохранить кушочек своего капитала.

Подозреваю, что будучи умным человеком, Лев Моисеевич сообразил, каким образом можно вывезти хоть немного денег из своего непосильным трудом нажитого капитала. Например, бриллианты

занимают очень мало места, а еще они не звенят, когда тебя и твои вещи обследуют с помощью металлоискателя. И вряд ли тебя заставят глотать слабительное, чтобы всласть порыться в твоём дерьме на предмет нахождения в нём особо ценных и точно запрещенных к вывозу перлов.

У Фишманов здесь была дальняя родня, и один из его троюродных племянников служил патрульным полицейским. Вот так Стив на Фишманов и вышел. Этот самый полицейский знал Ольгу — евреи, тем более находясь в чужой стране, очень ценят ближнюю и дальнюю родню, особенно в такие сложные времена, как нынешние, потому не гнушаются общением, тем более что повод для этого самого общения подворачивается очень даже нередко. Свадьбы, похороны — посетить их дело правильное и способствующее налаживанию родственных связей.

Ольга окончила филологический факультет университета, работала в газете, рано выскочила замуж и так же быстро развелась, едва только у нее родился сын. Муж, журналист той же газеты, оказался ветреным пустобрехом, у которого за душой не было ничего, кроме симпатичной физиономии и мужественных крепких плеч. Он гулял, выпивал, и на семейные дела ему было совершенно наплевать. А когда Ольга уже не могла ублажать его в постели, он тут же переключился на других женщин, и подурневшую от беременности жену вспоминал только тогда, когда после очередного загула приходил домой и требовал пожрать. По крайней мере, мне так рассказала Ольга, которая почему-то прониклась ко мне абсолютным доверием.

Ольге двадцать пять лет, она на самом деле красивая женщина — мне вообще везет на красивых женщин. Нет, никаких любовных связей у нас с Ольгой нет и быть не может — у меня есть Ниночка, и пусть она пока отсутствует, отправившись на съемки фильма по моей книге «Нед», но в конце концов-то все-таки вернется. А на кратковременную интрижку со своей работницей у меня так сказать рука не поднимется... и не только рука.

Работа — это одно, любовные приключения — совсем другое. И я всегда негативно относился к тому, чтобы начальники использовали свое служебное положение в лично-любовных целях. Когда какой-нибудь придурок начинает преследовать женщину, требуя от нее интимных отношений за свое начальническое благоволение, — это ведь просто мерзко. А если и не преследует, все происходит по взаимному согласию — все равно, как он потом сможет с нее спросить хорошую работу, если только час назад имел ее в своем кабинете, и она называла его уменьшительно-ласкательными прозвищами? «Мой толстячок!»

Но Ольга была хороша, это факт — смуглая бархатная кожа, черные глубокие глаза, иссиня-черные волосы, крепкая, стройная фигура, ничуть не расплывшаяся после родов (она даже бегала по утрам, держа себя в форме). Когда я смотрел на Ольгу, то вспоминал фотографии красивых евреек, служивших в армии Израиля в мое время, в 2018 году. Это были очень, очень красивые девушки. На удивление красивые — особенно в армейской форме.

Ольга довольно-таки решительная девушка (или женщина? Для меня, пятидесятилетнего, все женщи-

ны моложе пятидесяти — однозначно девушки. А уж такие, как Ольга, так и вообще девчонки, в дочери ведь годится!). Она рассказывала, как однажды ее пытались ограбить два худосочных чернокожих подростка — один даже угрожал ей ножом. Так Ольга, будучи советской девушкой, воспитанной в духе интернационализма, покрыла их интернациональным матом, потом схватила с земли палку (благо мусорка была рядом) и едва не выбила дух из обоих потомков дяди Тома, бежавших потом быстро и резво и даже потерявших при этом свой замечательный ножик. Она показывала мне его — теперь носит в сумочке. Ну так, на всякий случай.

Кстати сказать, я после того, как узнал об этой истории, пригласил Ольгу в спортзал и показал ей несколько приемов ножевого боя: как правильно держать нож, куда бить, чтобы нанести как можно больше повреждений, но не убить сразу (зачем проблемы с законом?), как защищаться от удара ножом. (Лучшая защита от ножа — быстрые ноги, если перед тобой профи, владеющий ножевым боем. Иначе просто не спастись.) И тренировалась она вместе с Ниночкой и Лаурой, женой Пабло — моего, можно сказать, начальника службы безопасности. Когда эти трое отправились на съемки фильма, Ольга тренировалась уже со мной.

Я не бросал тренировки и занимался каждый день, по часу, по полтора, физическими упражнениями, в основном рукопашным боем, хотя еще и подкачивался на тренажерах и с гантелями, и по часу стрелял по мишеням из всевозможного огнестрель-

ного, и не только, оружия. «Не только» — это были стальные арбалеты, сделанные по моему заказу.

Интересная и очень эффективная штука эти арбалеты! Убойная сила не меньше, чем у обычного пистолета. И практически абсолютно беззвучные, если не считать звука спущенной тетивы.

Ольга эмигрировала в США не потому, что ей так хотелось. Ее все устраивало: любимая работа (журналистика — это хорошо!), квартира (дали с работы — однокомнатная, но хорошая!), сын ходит в детский сад — что еще надо-то? Но тут уже папа подгадил. Как только он подал на эмиграцию, Ольгу попросили из газеты, заставив написать заявление по собственному желанию, и вся ее жизнь тихонько пошла под откос. Журналистику ей, само собой, перекрыли, и никого не интересовало, что живет она сама по себе, а папины планы — сами по себе. Дочь? Общаешься? Ну и пошла на хрен!

В общем, пришлось ей почти год (во время отпуска по уходу за ребенком) работать на дому, печатая на машинке дипломные работы студентов и диссертации научных сотрудников. Работа достаточно неплохо оплачиваемая, тем более что клиентов у Ольги было пруд пруди — с ее грамотностью и невероятной скоростью печатания Ольга была вне конкуренции, но... это ведь не журналистика. И будущего — никакого. Куда устраиваться на работу, когда кончится отпуск? В уборщицы? А без устройства на работу и в тунейдки могут записать, уголовное дело возбудить!

Чем нынешняя работа Ольги отличается от той домашней работы? Да всем! Там она печатала скучные сухие научные тексты, здесь — для писателя с

мировым именем печатает его замечательную нетленку, которую с руками рвут и в Союзе, и во всех обозримых странах мира. И фактически она сейчас не машинистка, а секретарь, личная помощница знаменитого писателя, отвечающая за распорядок его деловых встреч и за общение с представителями прессы.

Конечно, главной ее функцией было печатание моих книг, но и это она воспринимала с огромным удовольствием: во-первых, ей очень нравились мои книги, и она была ярым моим фанатом (кстати, вела переписку с несколькими моими фан-клубами).

Во-вторых, кому не было бы приятно первым из уст автора узнать содержание новых глав потрясающей эпопеи про мальчика-волшебника? Да за такую возможность многие из фанатов не то что отдали бы все, что у них есть, но и душу бы дьяволу продали! А она сидит, вот так запросто общается с автором «Гарри Голдмана» и записывает то, что выдает его изощренный ум!

Мне стоило достаточно больших усилий, чтобы вытащить Ольгу из объятий ее доброго папочки. Роза Марковна была совсем даже не против, чтобы дочка работала где-то еще, а не сидела в мужнином магазинчике и прозябала в скуке и безнадеге, не имея возможности найти себе красивую партию (не считать же достойной партией мясника Соломона Каца, не снимающего свой испачканный кровью передник сутками напролет?), но вот Лев Мои-сеевич... тот, во-первых, после того, как его освободили от «незаконно нажитого», испытывал стойкую неприязнь к тем, кто хоть немного хорошо говорит о Советском Союзе — надо ведь как-то оправ-

дать свою глупость, заставившую принять решение об эмиграции? Ведь в Союзе не давали развиваться предпринимательству, а тут ему все возможности, живи — не хочу! И неважно, что в Союзе он жил на порядок, а то и на два лучше.

Во-вторых, отправлять свою единственную дочь в подчинение к гою — это все равно как толкнуть ее в объятия дикого зверя. Ведь ясно же, что он тут же затащит несчастную дочку в постель, а потом Розе Марковне придется воспитывать еще одного наполовину гоя! Хватит уже плодить полукровок и вешать их на шею престарелым родителям!

Справедливости ради надо сказать, что Лев Моисеевич был по возрасту не старше меня, так что престарелым назвать его трудно — я тоже начал свой шестой десяток, хотя и выглядел на двадцать семь — тридцать лет. Что, кстати, тоже довольно-таки подозрительная штука — или этот гой подделал свои документы, или он вообще ненормальный — ну как это человек в пятьдесят может выглядеть как настоящий мальчишка! Пусть даже и очень большой и плечистый мальчишка? Нормальные люди в пятьдесят имеют солидный живот, одышку и объемистый тухес, не то что странные мутанты, которые умудряются в пятьдесят лет на ринге бить физиономию всяким там черномазым боксерам!

Да, он видел мой бой с Мохаммедом Али, и этот бой ничуть не сделал его расположенным к моей странной особе. Дословно он сказал своей любимой дочке: *«Когда этот гой разобьет тебе твое красивое личико и сломает твой красивый носик, не обращай к папе и не плачь, рассказывая о том, как я был прав и какая ты случилась дура!»*

Короче: когда Фишман услышал, что дочь приглашают работать у русского писателя, гражданина Союза, он тут же встал на дыбы: не бывать этому! Никогда советский, да еще и гой не будет эксплуатировать славную дочь еврейского народа! После слез Ольги, после увещеваний Розы Марковны, после заверений Стива, что «иностранец совсем безопасный!», Лев Моисеевич согласился со мной встретиться и обсудить работу его дочери. Как и все хитрые, мнящие себя великими умами люди, он был о себе очень высокого мнения и считал, что стоит ему один раз поглядеть на человека, так сразу же определит, хороший это человек или нет. Стоит с ним иметь дело или не стоит.

Вообще-то Ольга могла бы просто заявить, что не нуждается в папенькиных советах — с кем ей иметь дело, а с кем не иметь, но очень не хотелось с ним ссориться. Во-первых, она его любила. Какой бы ни был Лев Моисеевич, за дочь он бы душу свою отдал. Родная кровь!

Во-вторых, сын Ольги, Костенька, жил с дедом и бабушкой (как и сама Ольга), и ни к чему ему целыми днями слышать стенания о неблагодарной дочери, которая не слушается умных родителей и обязательно поимеет кучу неприятностей. *«Лучше пусть все будет сделано по уму!»*

Когда Стив объяснил мне ситуацию (неловко пожимая плечами и вздыхая — он считал, что негоже со стороны какого-то там мелкого лавочника так задирать нос, да еще и перед кем — перед всемирно известным, богатым, как Крез, писателем!), я ни минуты не раздумывая попросил его назначить встречу со строптивым ювелиром, дабы попробовать его